

Балташ Н. Карипов

Роль идеологии в политических системах модернизируемых обществ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

идеология, модернизация, интеллигенция, оппозиция, общество

Термин «идеология» был введён в оборот французским философом Антуаном Дестю де Траси в эпоху Великой французской революции для обозначения науки об идеях. Довольно скоро изучение идеологии превратилось в развитую субдисциплину социального знания, в рамках которой конкурируют между собой десятки научных школ и исследовательских традиций¹.

Традиция критики идеологии как средства, стабилизирующего и легитимирующего систему классового господства, была заложена в середине XIX столетия К. Марксом и Ф. Энгельсом. С тех пор марксистские и постмарксистские концепции идеологии преобладают в рамках социально-философского анализа этого феномена. Само название «теория идеологии» изначально закрепилось именно за «политической философией идеологии»².

В рамках сравнительной политологии сформировано особое направление исследования идеологии, как инструмента электорального выбора и партийной политики в условиях конкурентной демократии. Методологический фундамент этого направления был разработан в рамках теории рациональ-

¹ J. Gerring, *Ideology: A Definitional Analysis*, "Political Research Quarterly" 1997, Vol. 50, № 4, p. 957–994.

² J. Thompson, *Studies in the Theory of Ideology*, University of California Press 1984, p. 347; M. Freeden, *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*, Oxford: «Clarendon Press» 1996, p. 592; А.Р. Тузиков, *Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса масс-медиа*, Москва 2002, с. 290.

ного выбора³, а эмпирические исследования базировались на интерпретации опросов общественного мнения и результатов выборов, преимущественно в рамках одномерного лево-правого идеологического пространства⁴.

В конце XX века приобрели популярность исследования идеологии с помощью методологии дискурсивного анализа, которые составляют отрасль знания, опирающуюся, кроме политологии и философии, также на лингвистику⁵. В это же время в рамках политической психологии сложилось автономное направление по изучению когнитивных аспектов идеологических ориентаций⁶.

После того, как идейный и организационный плюрализм в Европе Нового времени стал общепризнанным элементом политического процесса, роль идеологий в качестве своеобразных «эрзац-религий», цементирующих систему массовых политических ориентаций, не могла подвергаться сомнению, несмотря на распространённые негативные коннотации самого термина⁷. При этом уровень влияния идеологий в качестве одного из факторов политического процесса претерпевал значительные колебания в зависимости от обстоятельств места и времени, в связи с чем появлялись различные концепции «деидеологизации» и «реидеологизации» политического процесса⁸. Периодически даже провозглашались идеи о конце идеологии, в связи с достижением в развитых странах консенсуса по наиболее принципиальным политическим вопросам⁹, и о конце истории, и о конце истории в результате окончательного торжества либерализма над его историческими соперниками¹⁰.

Несмотря на то, что эти идеи, большей частью, основаны на чрезмерно расширительной интерпретации краткосрочных политических тенденций, всё же необходимо признать вполне оправданным указание на то, что зна-

³ M. Hinich, M. Munger, *Ideology and the Theory of Political Choice*, University of Michigan Press 1994, p. 280.

⁴ M. Tavits, N. Letki, *When Left is Right: Party Ideology and Policy in Post-Communist Europe*, "American Political Science Review" 2009, Vol. 103, p. 555–569; T. Hellwig, *Explaining the salience of left-right ideology in post industrial democracies: The role of structural economic change*, "European Journal of Political Research" 2008, Vol. 47, p. 687–709.

⁵ T. Van Dijk, *Ideology and discourse analysis*, "Journal of Political Ideologies" 2006, Vol. 11, Issue 2, p. 115–140.

⁶ J. Jost, A. Kay, H. Thorisdottir, *Social and Psychological Bases of Ideology and System Justification*, Oxford University Press 2009, p. 529.

⁷ Y. Матц, *Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна*, „Политические исследования” 1992, № 1–2, с. 130–142.

⁸ J. Jost, *The End of the End of Ideology*, "American Psychologist" 2006, Vol. 61, № 7, p. 651–670.

⁹ D. Bell, *The end of ideology: On the exhaustion of political ideas in the fifties*, Harvard University Press 1988, p. 501.

¹⁰ Ф. Фукуяма, *Конец истории и последний человек*, Москва 2005, с. 592.

чимось идеологии в политическом процессе в различные исторические периоды не одинакова.

При этом необходимо отметить, что это теоретическое богатство пока лишь в весьма незначительной степени применяется при анализе эволюции различных идейных доктрин, и, в особенности, в исследованиях воздействия идеологических дискурсов на политический процесс в те исторические периоды, когда институты конкурентной электоральной политики ещё не сформировались. Речь идёт о политике в странах, переживающих процесс модернизации, но ещё не вступивших в фазу полноценной демократизации политического процесса. Настоящая статья призвана, до некоторой степени, восполнить этот пробел.

В рамках нашей работы мы будем понимать под идеологией систему аргументации, используемую для обоснования определённого политического курса в условиях институционализированного политического конфликта. Очевидно, что самые разнообразные идеологические системы непрерывно создаются и разрушаются, зачастую не оказывая заметного влияния на реальный политический процесс. Однако некоторые идеологии превращаются в эффективное орудие для приобретения и удержания власти. Это происходит в том случае, когда многочисленные организованные группы людей вовлекаются в социальные, культурные, экономические и политические конфликты, воспроизводящиеся в течение долгого времени. Каждая сторона конфликта нуждается в объединении имеющихся и привлечении новых приверженцев, а также в завоевании симпатий публики, не вовлечённой в данный конфликт непосредственно. Естественным образом, в идеологических конструкциях происходит определённое смещение акцентов, поскольку идеологи, говоря марксистским языком, стремятся выдать корыстные интересы своей группы за общезначимые¹¹. Это можно сделать, переводя конфликт из области интересов в сферу ценностей. На базе приверженности к общей ценности может сформироваться намного более широкая политическая коалиция, чем на основе сугубо корыстных интересов.

Ценности мы будем определять как наиболее общие и стабильные установки, которые использует человек для того, чтобы выбирать и оправдывать свои действия и оценивать людей и события¹². Политических ценностей относительно немного, поэтому и количество устойчивых идеологических традиций тоже ограничено. Этим объясняется «транснациональный» харак-

¹¹ К. Маркс, Ф.Энгельс, *Немецкая идеология*, Москва 1988, с. 44.

¹² S. Feldman, *Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes*, [in:] David O. Sears, L. Huddy, R. Jervis (eds.), *Oxford Handbook of Political Psychology*, Oxford University Press 2003, p. 477–508.

тер основных идеологических систем и та лёгкость, с которой идеологии усваиваются в новой для себя институциональной и культурной среде.

В то же время в каждой стране и в каждый исторический период складывается собственный вариант идеологической палитры. Так в России второй половины XIX столетия, как будет показано далее, только три идеологических концепции приобрели высокую популярность: либерализм, консерватизм и социализм. Национализм и анархизм, несмотря на наличие собственных теоретиков и апелляции к особым ценностям не смогли найти достаточно мощные автономные социальные группы, заинтересованные в объединении на основе этих доктрин, хотя в начале XX века национализм превратился в один из главных элементов массового консервативного дискурса.

В соответствии с этим, наибольшего успеха достигают идеологии, предлагающие интерпретации самых распространённых в обществе социальных расколов. Социальная и политическая идентичность в эпоху Нового времени формируется с помощью идеологий, которые учат отличать «своих» и противопоставлять их «чужим»¹³. На базе стабильных социальных расколов формируются идеологические направления, включающие в себя комбинацию из определённой базовой ценности, интереса социальной группы и системы политической аргументации, разрабатываемой специалистами особого рода, то есть идеологами.

За последние полвека наиболее интенсивные дискуссии среди специалистов в области исследования идеологического процесса идут по вопросу о структуре ценностно-идеологического спектра¹⁴. Дело в том, что два факта, подтверждаемые многочисленными эмпирическими исследованиями, не могут найти убедительной и однозначной теоретической интерпретации. Во-первых, элементарный здравый смысл говорит нам, что количество разнообразных социальных проблем в современном обществе исключительно велико. Соответственно, резонно было бы предположить, что политические и идеологические предпочтения граждан будут располагаться в сложном многомерном пространстве, состоящем из множества не связанных друг с другом измерений, соотносённых с различными социально-политическими конфликтами. И действительно, среди политических активистов можно найти людей с самыми причудливыми комбинациями политических ценностей, а также приверженцев самых экзотических доктрин. Но на уровне электората наблюдается картина прямо противоположного свойства. Идеино-политические предпочтения рядовых граждан легко укладываются в одномерную право-левую шкалу, причём подавляющее большинство легко и без

¹³ R. Jenkins, *Social identity*, Routledge 2008, p. 246.

¹⁴ J. Jost, C. Federico, J. Napier, *Political ideology: Its structure, functions, and elective affinities*, "Annual Review of Psychology" 2009, Vol. 60, p. 339–367.

раздумий справляется с задачей определения своей позиции в этом одномерном пространстве¹⁵.

Во-вторых, те же самые граждане, которые легко примеряют на себя известные идеологические ярлыки, в массе своей не владеют идеологическим языком и просто слишком слабо информированы, для того, чтобы разбираться в существе идеологических дебатов¹⁶. В результате остаётся не ясным, что же предопределяет содержание тех самых двух полюсов одномерного идеологического пространства. По каким причинам одни идеологические проекты оказываются более востребованными, чем другие? Являются ли базовые идеологические расколы универсальными или их структура определяется и культурными особенностями каждой страны? Если предположить, что идеология представляет собой язык элиты, то до какой степени элита способна навязывать свою идеологию различным социальным группам? Все эти вопросы пока остаются без научно обоснованных ответов, хотя разнообразие гипотезы выдвигаются в изобилии.

Представляется, что идеологические концепции наиболее востребованы не элитой, принимающей повседневные управленческие решения в масштабах государства, и поэтому вынужденной придерживаться фактов и мыслить прагматически. Тем более, они не обращены непосредственно к широкой публике, не располагающей временем и желанием для их изучения и критической оценки. Их наиболее взыскательные потребители (а, нередко, и производители) – политические активисты среднего уровня. Политика для них – скорее призвание, чем профессия в терминологии Макса Вебера¹⁷. Активистам жизненно важны высокие идеалы, оправдывающие их деятельность, которая обычно не приносит непосредственных материальных выгод. Благодаря идеологическим доктринам, активисты могут ощущать себя частью мощного и влиятельного сообщества, удовлетворяя тем самым психологическую потребность в признании и повышая свою самооценку.

Но активисты обычно не представляют в равной мере все социальные слои общества. В некоторых ситуациях они даже могут сформировать особую социальную группу с собственными интересами, как это случилось с русской интеллигенцией в XIX веке. В подобной ситуации и широкой публике и политической элите приходится пользоваться теми идеями, которые прошли через «активистский фильтр».

¹⁵ R. Dalton, *Social Modernization and the End of Ideology Debate: Patterns of Ideological Polarization*, "Japanese Journal of Political Science" 2006, Vol. 7, № 1, p. 7.

¹⁶ Ph. Converse, *Assessing the capacity of mass electorates*, "Annual Review of Political Science" 2000, Vol. 3, p. 331–353.

¹⁷ М. Вебер, *Политика как призвание и профессия. Избранные произведения*, Москва 1990, с. 808.

Очевидно, что понимаемая таким образом идеология представляет собой сложный, многосоставной феномен. Комбинированные дефиниции политической идеологии широко распространены в литературе, ввиду того, что этот популярный термин привычно применяется для указания на целую совокупность разнородных, хотя и связанных между собой аспектов политического процесса. В результате исследователи вынуждены либо произвольно ограничить предмет своих изысканий, отмежевавшись тем самым от «профанного» дискурса, либо объединить несколько явлений в рамках собственной интегральной концепции. Второй путь представляется нам более оправданным в контексте изучения проблематики, предполагающей интерпретацию роли идеологии в реальном политическом процессе.

Так Роберт Лэйн определял идеологию как корпус концептов, включающих:

- 1) Ответы на вопросы «Кто должен управлять»? «Каким способом должны отбираться лидеры»? «В соответствии с какими принципами они будут управлять?»
- 2) Аргументы, направленные на убеждение публики и противодействие противоположным взглядам.
- 3) Апелляцию к важнейшим жизненным ценностям.
- 4) Программу действий, нацеленных на защиту, реформирование или ликвидацию определённых социальных институтов.
- 5) Выражение интересов некоторых социальных групп, хотя и не обязательно всех групп, разделяющих данную идеологию.
- 6) Нормативные, этические и моральные элементы.
- 7) Отсылы к более широким системам убеждений, включая структурные и стилистические элементы этих систем¹⁸.

С нашей точки зрения, определение Р. Лэйна чересчур широко, именно вследствие того обстоятельства, что он включил в него ряд аспектов политического процесса, которые к концу прошлого века стали интерпретироваться в качестве элементов не собственно идеологий, а связанных с ними идеологических дискурсов. Но при этом в определении Р. Лэйна, как и в большинстве аналогичных «комбинированных дефиниций» подчёркивается принципиально важная особенность идеологии, имеющая непосредственное отношение к сути рассматриваемого здесь вопроса.

Речь идёт о совмещении в рамках идеологической концепции двух содержательных блоков, в которых рассматриваются, соответственно, вопросы, связанные с борьбой за власть, и проекты тех или иных действий, реали-

¹⁸ R. Lane, *Political Ideology: Why the American Common Man Believes What He Does*, New York: «Free Press» 1962, p. 14–15.

зуемых после овладения государственной властью (в англоязычной терминологии обозначающихся как *politics* и *policy*). Характеристики и приоритетность этих элементов в идеологических доктринах стран, находящихся на различных этапах модернизационного процесса, как мы покажем далее, заметно различаются.

В данном контексте для нас представляет особый интерес популярная концепция мирового исторического процесса, известная как «теория модернизации».

Ключевые положения теории социальной модернизации были разработаны ещё на рубеже XIX и XX столетий, но собственно политическая модель модернизационного перехода сформулирована в середине XX века для того, чтобы систематизировать опыт социально-политических трансформаций, произошедших с различными обществами в течение нескольких последних столетий. Ряд исследователей используют для описания характеристик исходного состояния социально-политической системы перед началом масштабных изменений термин «традиционное общество», хотя, как это свойственно многим «идеальным типам» применимость этого термина к конкретным странам и конкретным историческим эпохам вызывает продолжающуюся полемику в научной литературе¹⁹. Традиционное общество способно в течение многих веков пребывать в относительно стабильном состоянии, при котором, конечно, происходят смены правителей, войны, государственные перевороты и прочие потрясения, которые, тем не менее, не меняют основных социальных и политических характеристик общественной системы.

С началом процессов модернизации о такой стабильности приходится навсегда забыть. К числу таких процессов относятся индустриализация, урбанизация, рост уровня образования и социальной мобильности, появление систем массовой коммуникации, а затем трансформация массовых ценностных предпочтений и расширение политического участия. Всё это представляет собой очевидную и очень серьёзную угрозу политической элите, которую в традиционном обществе классического типа обычно возглавляет абсолютный монарх. В странах Западной Европы, где модернизация проходила в течение нескольких столетий, она принимала многообразные формы, учитывавшие как потребности в инновациях, так и необходимость сохранения стабильного культурного и институционального ядра социальной орга-

¹⁹ D. Lerner, *The passing of traditional society: modernizing the Middle East*, Glencoe, IL, «Free Press» 1958, p. 466; В.А. Ачкасов, *Россия как разрушающееся традиционное общество*, „Журнал социологии и социальной антропологии“ 2001, Том IV, № 1, с. 171–184.

низации²⁰. В этом процессе были рывки и остановки, успехи и поражения, но в целом можно говорить об «органическом» характере западноевропейской модернизации, где новые социально-политические институты вырастали из потребностей мощных общественных групп, постепенно отвоёвывая себе достойное место в длительной борьбе с традиционными институтами, характерными для эпохи «старого порядка». Собственно говоря, именно беспрецедентные успехи западных обществ, развитие которых носило комплексный и всесторонний характер, обусловили популярность концепции модернизации, несмотря на её очевидные методологические ограничения. В самом деле, очень сложно выделить и последовательно теоретически обосновать идеальный тип «модернизированного» общества в отрыве от самобытных исторических и культурных характеристик конкретных социумов. Поэтому иногда бывает довольно сложно ответить на простой вопрос: можно ли отнести ту или иную страну к числу современных обществ, и в какой момент считать процесс модернизации завершённым.

Относительно простое решение этой теоретической проблемы предложил Ш. Эйзенштадт, который по существу поставил знак равенства между модернизацией и вестернизацией. Согласно его определению: «исторически модернизация – это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с семнадцатого по девятнадцатый век и затем распространились на другие европейские страны, а в девятнадцатом и двадцатом веках – на южноамериканский, азиатский и африканский континенты»²¹.

В рамках данного подхода за пределами небольшой группы стран, в которых изначально стартовал процесс модернизационных преобразований, органическая модернизация и не могла произойти. В других странах складывалась модель вынужденной, догоняющей или оборонительной модернизации. Любая длительная задержка в процессе оборонительной модернизации могла быть чревата утратой национальной независимости страны. Хрестоматийный пример такого рода представляет собой история России XIX – начала XX века. В условиях догоняющей модернизации многие процессы происходят быстрее. Это в полной мере относится и процес-

²⁰ Г. Дидерикс, А. Линдбланд, *От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния: модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х годов*, Москва 1998, с. 432.

²¹ В.А. Красильщиков, *Модернизация: зарубежный опыт и уроки для России*, [в:] *Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Выпуск 1. Стратегические проблемы модернизации*, Москва 2009, «Центр исследований постиндустриального общества», с. 148.

сам формирования и трансформации идеологических течений. На ранней стадии модернизации происходят изменения в ценностной сфере. Как отмечают Р. Инглхарт и К. Вельцель: «основополагающие ценности и убеждения, характерные для членов передовых обществ, радикальным образом отличаются от ценностей и убеждений жителей менее развитых стран – и что эти ценности в процессе социально-экономического развития эволюционируют в предсказуемом направлении. Изменение ценностей, в свою очередь, ведет к важным социально-политическим последствиям, способствуя утверждению гендерного равенства и демократических свобод и совершенствованию государственного управления»²².

Устои традиционного общества оказываются под угрозой. Теоретики политической модернизации обращали внимание на то, что и успехи и неудачи модернизационного процесса одинаково опасны для политической стабильности общества. Как резюмировал С. Хантингтон: «Социальные и экономические изменения – урбанизация, распространение грамотности и образования, индустриализация, распространение средств массовой коммуникации – расширяют горизонты политического сознания, умножают политические требования, расширяют число участников политической жизни. Эти изменения подрывают традиционные источники политического авторитета и традиционные политические институты; они чудовищно усложняют проблемы создания новых оснований политического единства и новых политических институтов, соединяющих в себе легитимность и эффективность... Результатом оказываются политическая нестабильность и беспорядок»²³.

На политическую арену выходят новые социальные слои, требующие обеспечения возможности принять участие в управлении государством. Поэтому в период ранних этапов политической модернизации вопрос о власти оказывается центральным элементом идеологических дискурсов. Как формулирует эту проблему Ш. Эйзенштадт, источником изменений в модернизируемых обществах является «напряжённость между организационным и легитимизационным аспектами социального порядка»²⁴. Вместе с тем, политика этого периода лишь в очень незначительной степени связана с нуждами и запросами большинства рядовых граждан. Поэтому в политическом процессе большую роль играют радикалы всех мастей. В стабильных демократических странах радикалам существенно реже удаётся снискать

²² Р. Инглхарт, К. Вельцель, *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*, Москва 2011, с. 10.

²³ С. Хантингтон, *Политический порядок в меняющихся обществах*, Москва 2004, с. 24–25.

²⁴ Ш. Эйзенштадт, *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*, Москва 1999, с. 61.

поддержку значительного числа избирателей и они, естественным образом, оттесняются на периферию политического процесса.

Если же оппозиционная политическая деятельность не легальна, и связана с риском репрессий со стороны государства, то заниматься ей отваживаются, преимущественно, люди вполне определённого психологического типа. В их мировоззрении доминируют этические и религиозные мотивации, сводящиеся к представлению о политике как сфере борьбы между силами добра и силами зла, где не допустимы компромиссы и колебания. К примеру, одна из лидеров российской партии социалистов-революционеров Е.К. Брешко-Брешковская, известная также как «бабушка русской революции», вспоминала о своих соратницах по эпохе народовольческого движения как о «святых женщинах, озаривших самую славную эпоху борьбы русской интеллигенции с силами зла»²⁵.

С другой стороны, представители политической элиты тоже в большинстве случаев склонны воспринимать вопрос о власти как сакральную сферу, применительно к которой любые отступления от вековой традиции чреваты катастрофой. Не удивительно, что на ранних этапах модернизации традиционных обществ идеологический процесс приобретает особые характеристики, заметно отличающиеся от его свойств в условиях политики зрелого модерна (устойчивых конкурентных демократий конца XX – начала XXI века). Здесь идеология приобретает большую степень автономии от стратегий отдельных фракций политической элиты. Дело в том, что в этот период элита всё ещё опирается на традиционную легитимность абсолютного монарха, который не обязан отчитываться перед кем бы то ни было, следовательно, может обходиться без развёрнутой публичной аргументации в поддержку принимаемых им решений.

Формирование новых политических институтов сопряжено с огромными рисками для политической элиты традиционного общества. Абсолютный монарх, начинающий процесс демократизации государственного управления, ставит на кон не только власть, но зачастую и собственную жизнь. Судьба Людовика XVI не только послужила уроком для прочих монархов, но и превратилась в распространённый аргумент сторонников жёсткого курса среди представителей традиционной политической элиты. С их точки зрения, социально-экономическую модернизацию страны вполне можно было проводить, не допуская никаких политических послаблений, а на все требования демократизации лучше всего отвечать репрессиями.

На практике, однако, эта стратегия далеко не всегда приносила желаемый «охранителям» эффект. Корреспондент английской газеты «Daily

²⁵ Е. Брешковская Брешко, *Скрытые корни русской революции*, Москва 2006, с. 336.

Telegraph» Диллон вспоминал о разговоре, который произошел у него в Санкт-Петербурге 9 января 1905 года с одним из придворных. Англичанин спросил его, почему войска убивают безоружных рабочих и студентов? Придворный ответил: «Потому что гражданские законы отменены и действуют законы военные... Прошлой ночью его величество решил отстранить гражданскую власть и вручить заботу о поддержании общественного порядка великому князю Владимиру, который очень начитан в истории Французской революции и не допустит никаких безумных послаблений. Он не впадет в те ошибки, в которых были повинны многие приближенные Людовика XVI; он не обнаружит слабости. Он считает, что верным средством для излечения народа от конституционных затей является повешение сотни недовольных в присутствии их товарищей... Чтобы ни случилось, он будет укрощать мятежный дух толпы, даже если бы ему пришлось для этого послать против населения все войска, которыми он располагает»²⁶.

Как выяснилось в 1905 году, сугубо силовые решения тоже не являются универсальным рецептом разрешения политических кризисов. Расстрел рабочей демонстрации 9 января только запустил процесс революции. Кроме того, последовательная политика проведения репрессий требует наличия в политической элите руководителей с рядом довольно дефицитных качеств. Когда эсеровские террористы два раза подряд (в 1902 и 1904 годах) освободили вакансию министра внутренних дел Российской империи от сторонников жёсткого курса Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, новых желающих продолжить политику репрессий не нашлось.

Тем самым, была продемонстрирована возможность силового влияния на политику правительства «снизу», с целью содействия модернизации политической системы. Впервые эта стратегия без особого успеха была опробована народовольцами, которые смогли убить императора Александра II, но оказались не в силах повлиять в желаемом направлении на политику его наследника. Как отмечает исследователь российского терроризма О.В. Будницкий: «то, что не сработало в 1881-м, получилось в 1904-м. Путь, указанный народовольцами, не оказался дорогой в тупик. Террористическая тактика доказала свою эффективность при определенных исторических условиях и обстоятельствах»²⁷.

Этот пример показывает, что отношения между властью и оппозицией на начальной фазе модернизации, зачастую воспринимались обеими сторонами как игра с нулевой суммой, в которой увеличение возможностей и ресурсов одного игрока происходит исключительно за счёт ослабления другого. Обе

²⁶ С.В. Тютюкин, В.В. Шелохаев, *Марксисты и русская революция*, Москва 1996, с. 10.

²⁷ О.В. Будницкий, *Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.)*, Москва 2000, с. 153.

стороны в данной ситуации используют очень ограниченное число стратегий, связанных с отношениями политической власти. Традиционная элита колеблется между применением репрессий против оппозиции и установлением контакта с наиболее «благонамеренной» её частью (выбор между «закручиванием гаек» и «ослаблением вожжей»). Решения подобного рода могут опираться на риторику либерального и консервативного толка, но, по существу дела, они носят тактический характер.

Таким образом, на уровне борьбы за власть в модернизируемом обществе квази-религиозная мотивация радикальной оппозиции сталкивается с тактическими мотивами традиционной элиты. Для обеих этих групп идеологические системы служат не более чем готовым инструментарием, пригодным для обоснования избранной в данный момент политической стратегии.

Но и обычные граждане в модернизируемых странах также более склонны к радикализму, чем рядовые избиратели стабильных демократических обществ. Этот феномен постоянно обнаруживается в сравнительных политических исследованиях. Так, по данным Р. Далтона, в развитых демократических странах не более 5% респондентов оценивают свои идеологические предпочтения как крайние или экстремистские (соответствующие баллам 1–2 и 9–10 по десятибалльной лево-правой идеологической шкале). В странах, ещё не завершивших процесс политической модернизации, крайние взгляды обнаруживает до 20% электората. «Иными словами, – подводит итог Р. Далтон, – в менее благополучных и менее демократических странах электорат жёстко поляризован по наиболее важным идеологическим вопросам»²⁸.

Эта тенденция объясняется очень просто. Во-первых, большое количество неудовлетворённых своим статусом граждан, испытывающих ощущение хронической депривации, совершенно не склонны ценить общественную стабильность и поддерживать сложившийся социальный порядок. Зато они готовы поддержать любого радикального лидера, обещающего реализовать их пожелания. Как гласит популярный марксистский тезис: «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, приобретёт же он весь мир». Конечно, повышение уровня благосостояния социальных низов и сокращения уровня социального расслоения до пристойных параметров эффективно противодействует политическому радикализму. Но в обществах на начальной фазе модернизации эту стратегию реализовать очень сложно, именно ввиду их общей бедности и необходимости быстрого развития.

²⁸ R. Dalton, *Social Modernization and the End of Ideology Debate: Patterns of Ideological Polarization*, "Japanese Journal of Political Science" 2006, Vol. 7, № 1, p. 9.

Во-вторых, в обществах, не имевших опыта конкурентной демократии, неоткуда взяться представлениям о цене немедленного исполнения заветных вожделиний. Здесь оппозиционные политики могут без всякого риска для себя давать популистские обещания, поскольку крайне маловероятно, что им когда-либо придётся претворять их в жизнь и нести ответственность за сопутствующие издержки. Обычные граждане также не имели возможности «обжечься», поэтому смело экспериментируют с искрами, из которых при случае запросто может разгореться пламя. В этот период общественного политического инфантилизма рациональные аргументы не в силах повлиять на массовое сознание. Так, в период революции 1905–1906 годов в России во всех слоях общества, за исключением помещиков и тесно связанного с ними административного аппарата, сложилась точка зрения, что проблема крестьянской бедности может быть решена за счёт насильственного отчуждения помещичьих земель и передачи их крестьянам. В середине XIX столетия, когда осуществлялось перераспределение земли в связи с ликвидацией крепостного права, эта позиция была в целом верна. Но быстрый рост крестьянского населения и сокращение общего фонда помещичьих земель за полвека превратили её в анахронизм. К началу XX столетия отчуждение помещичьих земель могло бы увеличить средний размер крестьянского надела лишь на 20%, что не решило бы проблемы крестьянского малоземелья, зато нанесло бы серьёзный урон экономике страны, поскольку на помещичьих землях применялись более совершенные агротехнические технологии, позволявшие собирать более высокие урожаи. Между тем, передел помещичьих земель обещали в своих программах не только социалисты всех толков, для которых подобная мера была идеологически оправданной и абсолютно естественной, как способ политической мобилизации крестьянства, но даже кадеты, располагавшие вполне компетентными экспертами по земельному вопросу, и не надеявшиеся всерьёз на поддержку крестьян²⁹.

Третьей, и возможно наиболее важной причиной идеологического радикализма периода ранней модернизации, можно считать формирование особой социальной группы, доминировавшей в это время на рынке идеологического предложения. Речь идёт об интеллигенции. Быстрый рост группы хорошо образованной по меркам эпохи молодёжи, часто не имеющей надёжных источников дохода, и привлекательных карьерных перспектив, оказался страшно опасен для власти, по-прежнему опиравшейся на традиционные источники легитимности. При этом традиционная власть не могла ни остановить рост этого слоя, поскольку образованные специалисты были

²⁹ С.Г. Пушкарев, *Россия в XIX веке (1801–1914)*, Нью-Йорк 1956, «Издательство им. Чехова», с. 370.

абсолютно необходимы для решения задач догоняющей технологической модернизации, ни обеспечить его лояльность. Дело в том, что важнейшее для интеллигенции требование свободы получения информации и открытого обсуждения социальных проблем (в контексте той эпохи известное как требование «свободы печати») прямо противоречило стратегии сохранения монополии на власть в руках традиционной элиты.

В свою очередь, новые образованные слои, не видя перспектив удовлетворения своих запросов, не просто переходили в оппозицию к власти, но и увлекались созданием идеологических концепций, частично заимствованных из опыта более развитых стран, а иногда полностью отрывающихся от условий реальной жизни, и уходящих далеко в сферу «социального воображаемого» в терминологии К. Касториадиса³⁰.

Термин «интеллигенция» относится к одному из немногих слов русского происхождения, вошедших в большинство мировых языков. В общественной науке он используется, главным образом, в рамках направления исследований, известного как «социология интеллектуалов». Чарльз Курzman и Линн Оуэнс выделяют в рамках этой субдисциплины три подхода, в зависимости от которых определяется политическая роль данной группы³¹. Сторонники первого подхода видят в интеллектуалах особый социальный класс с чётко выраженными собственными интересами, которые они активно отстаивают, пользуясь своей привилегированной позицией в публичной сфере. Второй подход, генетически связанный с марксистской теорией, привязывает интеллектуалов к той социальной группе, выходцами из которой они являются, и чьи приоритеты формулируют в качестве профессиональных идеологов. Наконец, третий подход предполагает способность интеллектуалов абстрагироваться от ограничений собственной социальной позиции и принять любую систему взглядов, исходя из её логической или эстетической привлекательности для данного конкретного представителя группы.

В этом контексте термин «интеллигенция» зачастую используется именно сторонниками первого подхода, поскольку явно указывает на групповую идентичность. Так, например, Раймон Арон в работе с характерным названием «Опиум интеллектуалов» отмечал, что «термин «интеллигенция» впервые был использован в России в XIX столетии. Выпускники университетов, усвоившие стандарты западной культуры, образовали небольшую группу за пределами традиционной классовой структуры. Среди них были младшие сыновья аристократических семей, выходцы из буржуазии и даже верхушки крестьянства. Отчуждённые от старого общества, они ощущали

³⁰ К. Касториадис, *Воображаемое установление общества*, Москва 2003, с. 480.

³¹ Ch. Kurzman, L. Owens, *The Sociology of Intellectuals*, “Annual Review of Sociology” 2002, Vol. 28, p. 63–90.

себя объединёнными приобщённостью к знаниям и общим отношением к существующему порядку. Всё это вместе, вкупе с научным духом и либеральными идеями, склонило их на сторону революции»³².

Трактовка политического поведения российской интеллигенции XIX века, предложенная Р. Ароном, представляется нам несколько упрощённой, и не учитывающей конкретно-исторических предпосылок оппозиционности этой группы, таких как борьба с правительством за автономию университетов. Но необходимо признать, что именно опыт политической мобилизации российской интеллигенции превратил её в идеальный тип нового «класса для себя» в марксистской терминологии. Как отмечают в этой связи Д.В. Ермашов и А.А. Ширинянц: «Интеллигенция, как и ее духовные вожди, часто рассматривалась и рассматривается в русской культуре как своего рода интеллектуальное «сектанство», характеризующееся специфической идеологией и моралью, особым типом поведения и бытом, физическим обликом и радикальным умонастроением, неотделимым от идейно-политической нетерпимости»³³.

Вместе с тем, нехватка у интеллигенции собственных политических ресурсов вынуждала её энергично искать союзников в борьбе со старым режимом, и даже создавать их самостоятельно. Походы в народ в 1870-х годах, а затем длительная работа по внедрению социалистических идей в городскую рабочую среду как раз и представляли собой примеры относительно успешного идеологического конструирования социальной реальности. Такое активное идеологическое творчество может быть успешным именно на ранней стадии политической модернизации, когда возникающие новые субъекты политического процесса ещё не имеют собственного языка и стратегий политической аргументации, а потому вынуждены полагаться на привносимые извне дискурсивные идеологические модели. В этой связи изучение опыта российской модернизации XIX столетия может быть исключительно полезным и даже необходимым для выявления общих характеристик идеологического процесса в период модернизации.

Таким образом, на основании изучения роли идеологии в политических системах модернизируемых обществ мы приходим к следующим выводам:

- на ранней стадии процесса социально-политической модернизации идеологическая сфера приобретает особые характеристики, отличающие её как от традиционных способов политической легитимации, так и от иде-

³² R. Aron, *The Opium of the Intellectuals*, New Brunswick, New Jersey 2001, p. 208.

³³ Д.В. Ермашов, А.А. Ширинянц, *Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России XIX в.)*, „Вестник Московского университета Серия 12: Политические науки“ 2006, № 2, с. 5–22.

ологической коммуникации, характерной для устоявшихся конкурентных демократий;

- идеологический процесс в странах, идущих по пути догоняющей модернизации, характеризуется слабыми взаимосвязями между наиболее популярными идеологическими концепциями и интересами основных социальных групп;
- в идеологической сфере этого периода преобладают проблемы, связанные с созданием новых политических институтов, и, в целом, вопросом о власти, а не проблемы обоснования конкретных управленческих стратегий;
- как среди политиков, так и в среде политизированной публики, повышенной популярностью пользуются радикальные идеологические концепции популистского толка;
- в идеологическом процессе доминируют представители недавно возникшей социальной группы интеллектуалов, активно разрабатывающие и внедряющие в практику идеологические концепции в соответствии со своими групповыми ценностями и интересами.

РЕЗЮМЕ

В статье показано, что на ранней стадии процесса социально-политической модернизации идеологическая сфера приобретает особые характеристики, отличающие её как от традиционных способов политической легитимации, так и от идеологической коммуникации, характерной для устоявшихся конкурентных демократий. Идеологический процесс в странах, идущих по пути догоняющей модернизации, характеризуется слабыми взаимосвязями между наиболее популярными идеологическими концепциями и интересами основных социальных групп. Преобладают проблемы, связанные с созданием новых политических институтов, и, в целом, вопросом о власти, а не проблемы обоснования конкретных управленческих стратегий.

Baltash N. Karipov

THE ROLE OF IDEOLOGY IN POLITICAL SYSTEMS MODERNIZED SOCIETIES

The paper shows that in the early stages of the process of social and political modernization of the ideological sphere acquires special characteristics that distinguish it from both the traditional ways of political legitimacy, and on the

ideological communication typical of the established competitive democracies. Ideological process in the country following the path of catch-up modernization, characterized by weak association between the most popular concepts and ideological interests of major groups. Dominated by issues related to the creation of new political institutions, and, in general, the question of power, and not the problem of justification of specific management strategies.

KEY WORDS: *ideology, society, modernization, opposition, intellectuals*

Список литературы

- R. Aron, *The Opium of the Intellectuals*, New Brunswick, New Jersey 2001.
- В.А. Ачкасов, *Россия как разрушающееся традиционное общество*, „Журнал социологии и социальной антропологии“ 2001, Том IV, № 1.
- R. Dalton, *Social Modernization and the End of Ideology Debate: Patterns of Ideological Polarization*, “Japanese Journal of Political Science” 2006, Vol. 7, № 1.
- M. Freedon, *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*, Oxford: «Clarendon Press» 1996.
- J. Gerring, *Ideology: A Definitional Analysis*, “Political Research Quarterly” 1997, Vol. 50, № 4.
- M. Hinich, M. Munger, *Ideology and the Theory of Political Choice*, University of Michigan Press 1994.
- R. Jenkins, *Social identity*, Routledge 2008.
- J. Jost, *The End of the End of Ideology*, “American Psychologist” 2006, Vol. 61, № 7.
- J. Jost, A. Kay, H. Thorisdottir, *Social and Psychological Bases of Ideology and System Justification*, Oxford University Press 2009.
- К. Касториадис, *Воображаемое установление общества*, Москва 2003.
- Ch. Kurzman, L. Owens, *The Sociology of Intellectuals*, “Annual Review of Sociology” 2002, Vol. 28.
- У. Матц, *Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна*, „Политические исследования“ 1992, № 1–2.
- А.Р. Тузиков, *Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса масс-медиа*, Москва 2002.